

Алла БАЯНОВА — последняя из легенд эстрады ушедшего века. Ее имя в том же ряду, где Варя Панина, Клавдия Шульженко, Изабелла Юрьева, Вадим Козин.

У дверей квартиры Аллы Николаевны под ноги бросилась стайка собачонок.

— Посмотрите, какие понимающие, обаятельные, — хозяйка гладит собак. — Я очень люблю животных, они скрашивают мое одинокое существование. Вот эту Люську подобрала во дворе. Она мерзла под каким-то ящиком, я достала ее, посмотрела в глаза. И понесла домой. А еще у меня есть кот Яшка, тоже дворový. Он, хитрец, бежал за мной по Арбату. До двери проводил. Разве могла я его выгнать на улицу? Тот, кто не любит животных, не любит и людей.

Как-то по телевидению рассказывали об одном известном певце. Я к нему хорошо относилась, к его творчеству. Но когда увидела, как он дома учит своего огромнейшего пса кидаться на все живое, отношение к нему резко изменилось. Потом я с ним встретила и все, что о нем думала, высказала. Он обиделся: почему я тихо, на ушко с ним не поговорила? Но, по-моему, что человек заслуживает, то он и должен получать.

— Певец Юрий Березин недавно вспоминал, как вы приехали на презентацию его нового диска. Он был поражен: к нему, молодому, неизвестному артисту пожаловала королева романса.

— Я не могла не прийти на его концерт, должна же быть артистическая солидарность, взаимопомощь. В двадцатом веке артисты трепетнее, бережнее друг к другу относились. Я — продукт того века, прошедшего. Ах, «какие были времена, какие осени и зимы, ка-

Сергей ЗОНИЧЕВ

Общая газета. — 2002. №17 апр. — с.14

Какие были времена, какие осени и зимы...

кие были имена мной каждый день произносимы...» Так писал о тех золотых днях один мой друг — поэт несчастной судьбы. А сейчас в России люди друг на друга смотрят по-волчьи, даже артисты, что меня потрясает.

— Вы в эмиграции тосковали по родине, которую не знали. Не разочаровались при встрече?

— В конце 1989 года я приехала в Ленинград по приглашению своей приятельницы. Сразу же подала прошение на имя Президента СССР о предоставлении мне советского гражданства. Ожидание было мучительным. Представляете, в каких расстроенных чувствах я была, сомневалась, надеялась... Если бы вопрос был решен отрицательно, мне предстояло вернуться в Румынию, где правил Чаушеску. Мне бы подобной вольности не простили, месье диктатора могла быть какой угодно. Но, к счастью, гражданство мне в конце концов предоставили. Как мне рассказывала, на моем заявлении Михаил Сергеевич написал: «Сделать все возможное и невозможное для Аллы Баяновой. Ее просьба достойна удовлетворения».

— У вас с Чаушеску были собственные напряженные отношения?

— Встречаться нам не приходилось. Меня на правительственные концерты не приглашали, боялись, что я спою не то или наберусь нахальства и что-нибудь не то выскажу. Меня знали не просто как певицу, но как человека независимого, вольного. Не скажу бесстрашного, страх — он есть у каждого. А как ко мне от-

носился Чаушеску — понятно. Вот один случай. Однажды ко мне домой пришли сотрудники сикуритате — румынского КГБ. Как мне доверительно сообщили, заявили они по желанию самого Николае. Он захотел послушать, как я пою. Я выбрала самые красивые румынские романсы, взяла несколько русских, конечно же, на румынском языке — Чаушеску все русское ненавидел. Я таких людей увлекала своим пением, думала, что и он дрогнет, пройму его. Но ошиблась. Через некоторое время пришли сконфуженные сикуританцы. Кассеты вернули. Оказывается, прослушав все, Чаушеску сказал, что такие песни Румынии не нужны. «От этой певицы веет Россией за версту».

Многие русские эмигранты, демонстрируя лояльность режиму Чаушеску, меняли свои фамилии. Один мой знакомый сменил русскую фамилию на фамилию Гроссу. Я этого делать не стала, потому была не в чести у властей. Меня не пускали на телевидение и радио. Всегда вычеркивали из списков на зарубежные поездки. В Россию меня тоже не выпускали, хотя я лучше всех в Румынии пела русские романсы. Мне высокопарно отвечали, что мы не можем ехать со своими огурками к огорожникам, то есть с русскими романсами. В России — свои певицы. Конечно, но они поют иначе, не так, как я.

— Как же все-таки удалось приехать, кто-то помог, посодействовал?

— Однажды звонят мне в дверь.

Открываю — вижу на пороге стоят русские парни. Они оказались советскими посольскими работниками. «Алла Николаевна», — зовут они меня по имени-отчеству. В Румынии меня обычно звали фрау Алла или мадам Алла. А тут в обращении поваяло родным. Ну и сообщили они мне приятную новость, что посол Евгений Михайлович Тяжелников лично хочет поздравить меня с днем рождения. Бегу на террасу — и вижу новую белую посольскую «мерседес». Надеваю лучшее свое платье и еду. Посол встречал меня на крыльце. Взял под руку и повел в свой кабинет — там накрытый стол: шампанское, два бокала, черная икра. Все — по-русски, широко. Он выпил за мое здоровье, подарил мне первую в жизни почетную грамоту. Вынесли ее на красной бархатной подушечке. Красиво все было обставлено. А в качестве подарка он преподнес мне приглашение Профсоюзов (ВПСФС. — А.И.) на трехнедельное посещение СССР. Это была моя самая первая поездка на родину. Я пела в Москве на благотворительных концертах. Люди толпились в дверях, сидели в проходах. Я плакала от счастья.

— Сейчас вы гастроллируете?

— В последнее время не так часто, но все же... Сейчас вот собираюсь в Благовещенск и в Тынду с сольными концертами. Выходят мои компакты, получаю много писем от поклонников. Меня знают, любят, желают долгих лет и счастья. Я так долго обо всем этом мечтала.

Анатолий ИВАНУШКИН